

Т. Н. Жуковская

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Статья посвящена анализу системы управления университетами, выстроенной в первой половине XIX в. на локальном примере столичного университета. Ее элементами были министр, попечитель учебного округа, ректор, директор, деканы факультетов, Совет и Правление университета, университетская инспекция. Автор рассматривает определенные законодательством компетенции и задачи университетской администрации, с одной стороны, и практические ситуации, которые корректировали законодательство, в частности при выборах ректора и определении направлений деятельности Совета профессоров, — с другой.

Исследование основано на широком привлечении архивных источников, в первую очередь материалов университетского и министерского делопроизводства, а также законодательных документов, переписки и мемуаров университетов. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: Петербургский университет, университетская политика, управление, университетская автономия.

T.N. Zhukovskaya

SYSTEM OF GOVERNANCE AND ADMINISTRATIVE PRACTICE IN SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The article is dedicated to analysis of the system of university management, built in the first half of the nineteenth century on a local example of St. Petersburg University. Its elements were the minister, trustee of the school district, rector, director, deans of faculties, the Council and the Board of the University, inspection. The author considers the competences and tasks of the University administration, which are determined by the laws, on the one hand, and the practical situations, which changed the law, in particular, at the election of the rector and in the determination of the activity directions of the Board of professors. The research draws on a wide range of sources, such as record-keeping of university office and archives of Ministry of public education, official legislation, correspondence and memoirs of students and professors. Refs 7.

Keywords: Saint-Petersburg university, university policy, administration, autonomy of university.

Система университетского управления отражала концепцию университета, которая формировалась в правительственных кругах в разные периоды имперской и советской истории и менялась подчас весьма резко. Российский университет в отличие от своих европейских средневековых прообразов не выстраивал эту систему «снизу», изначально она определялась «сверху». Но не раз в своей истории университетское сообщество активно участвовало в обсуждении моделей реформирования системы образования и управления университетом и определяло конечный исход реформ. Так было в годы подготовки либеральных реформ Александра II, после революции 1905 г., отозвавшейся в истории университета восстановлением академической автономии, демократизацией учебного процесса (введением предметной системы вместо курсовой), наконец, на рубеже 1980–1990-х годов — во вре-

Жуковская Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; tzhukovskaya@yandex.ru

Zhukovskaya Tatiana Nikolaevna — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; tzhukovskaya@yandex.ru

мя перестройки. Однако многие реформы в этой сфере оказывались незавершенными и потому обратимыми.

Мы рассмотрим этапный с точки зрения становления университетской системы управления период 1800-х — 1840-х годов на локальном примере столичного университета, открытого в собственном статусе позже других, в 1819 г. Представляется возможным конкретизировать представления о развитии российского университета как объекта управления и как сообщества на документальном материале университетского делопроизводства.

Для всей первой половины XIX в. характерно патерналистское отношение к университету как детищу власти, которое выражалось уже в самом названии «Императорский университет», имевшем эмблематический смысл. По существу этот титул воспроизводил принятое в средневековых университетах обозначение первого покровителя (основателя) университета. Так, Пражский университет, основанный в 1348 г. Карлом IV, называется Карловым университетом, а старый Дерптский университет, действовавший в 1632–1665 и в 1690–1710 гг., именовался *Academia Gustaviana*, в честь Густава II Адольфа. В Российской империи титул «Александровского» получил университет, открытый Александром I в Варшаве в 1816 г., а с 1827 г. и Гельсингфорский университет.

Символами самоуправления европейских университетов со времен Средневековья являлись Совет профессоров и выборный ректор (от лат. *rectore* — судить, управлять). В России XVIII в. ни Московский университет, ни университет при Академии наук не приблизились к идеалу самоуправления, хотя проекты Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова предполагали наделить их большей самостоятельностью.

В итоге образовательных реформ Александра I российские университеты, кроме Варшавского и Абосского (Гельсингфорского), встраивались в систему ведомственного управления и подчинялись Министерству народного просвещения. Вертикальная подчиненность в первой трети XIX в. сочеталась с территориальной (горизонтальной) системой управления учебными округами, в каждом из которых университет становился куратором зависимых от него в административном, учебно-методическом и кадровом отношении школ низшего уровня [подробнее см.: Жуковская Т. Н., Калинина Е. А., 2014, с. 22–32].

Первый университетский устав 1804 г., воспроизводя немецкую модель университета, поставил во главе его Совет профессоров, в котором председательствовал ректор. Он избирался всего на год из числа ординарных профессоров, его кандидатура представлялась министром народного просвещения на высочайшее утверждение [Сборник постановлений, 1864а, стб. 45–46]. Эти нормы были распространены на Петербургский университет лишь в начале 1824 г. До этого времени он существовал по уставу Главного педагогического института, которым предусматривалась должность не выборного ректора, а назначаемого директора [Сборник постановлений, 1864а, стб. 211–213]. Это ставило профессорскую корпорацию в зависимость от попечителя учебного округа, который мог председательствовать в собрании профессоров. Директорами Педагогического института были ориенталист и нумизмат И. И. Кох (1804–1805), Е. А. Энгельгардт (1812–1816), Д. А. Кавелин (1817–1823). В те несколько лет, когда директор не назначался или отсутствовал, делами института (с 1819 — университета) фактически управляли секретарь Конференции И. И. Мартынов и старший из профессоров В. Г. Кукольник.

Право голоса в Совете имели ординарные и заслуженные профессора, но присутствовать в нем могли и адъюнкты. До 1821 г. в Петербургском университете функции Совета выполняла Конференция профессоров. Компетенция Совета в первой трети XIX в. была предельно широкой: он решал вопросы, связанные с преподаванием не только в университете, но и в подведомственных училищах округа, регулировал замещение должностей (что, собственно, и составляло стержень университетской автономии) не только внутри университета, но и на низших звеньях школьной иерархии, назначая глав губернских училищных дирекций, определяя учителей в гимназии и уездные училища. Совет Петербургского университета не участвовал прямо в цензурной деятельности, в отличие от других университетов, поскольку в столице действовал Цензурный комитет, но с его преобразованием в Главный цензурный комитет в 1826 г. в него были включены три университетских профессора.

Совет профессоров присуждал ученые степени, выдавал разрешения на право преподавания учителям и гувернерам, производил суд над членами университета, утверждал отчеты, представляемые ежегодно попечителю учебного округа, а также должен был заниматься написанием истории университета. Правление занималось хозяйственными делами, включая прием и распределение студентов, назначение стипендий, вело делопроизводство о награждениях и увольнениях преподавателей и ротации студентов. Функции Совета и Правления тесно увязывались, поскольку тот и другой орган возглавлялись ректором. Решения в Совете принимались большинством голосов, в случае их равенства перевес имел голос ректора. При выборах на должности предусматривалось тайное голосование.

С 1811 г. ректор университета, его помощник (проректор) и деканы факультетов избирались уже не на год, как прежде, а на три года, как в немецких университетах, а также в Виленском и Дерптском [По Высочайшему повелению об избрании ректора университета через каждые три года]. Деканы факультетов избирались из числа заслуженных или действительных профессоров на 4 года.

Должность выборного ректора в университетах первой половины XIX в. носила административно-полицейский характер. «Ректор, — говорилось в уставах, — отвечает за благочиние во всех частях и за внутренний порядок университета, ... за исправление должностей всеми и каждым из находящихся при университете» [Сборник постановлений, 1864а, стб. 53]. Ректор обязан был доносить обо всех происшествиях попечителю, но при необходимости мог сам принимать решения, а в чрезвычайных случаях для сохранения порядка в университете мог «требовать помощи от военного или гражданского начальства» [Сборник постановлений, 1864а, стб. 267]. Вступление в ректорскую должность и ее передача происходили в торжественной обстановке.

Петербургский Педагогический институт, открытый в 1804 г. как «отделение университета», в последующие годы рассматривался как высшая педагогическая школа, однако сохранялась возможность его преобразования в университет [Жуковская, 2013, с. 15–24]. На практике система управления Педагогическим институтом вышла за рамки, определенные Положением об Институте 1804 г., и развивалась в сторону университетского типа управления. Преподаватели и студенты института подпадали под общеуниверситетское законодательство, например, в отношении присвоения ученых степеней, регламентации корпоративного поведения,

правонарушений. Оценивая академическую, учебную, административную и хозяйственную деятельность Института, а также характер его связей с университетами других городов, можно сказать, что Педагогический институт в Петербурге являлся неотъемлемой частью общеуниверситетского пространства Российской империи.

В 1816 г. Педагогический институт стал Главным педагогическим институтом, указом 8 февраля 1819 г. последний был преобразован в Петербургский университет. В 1824 г. на него распространяется устав Московского университета.

Среди университетов как объектов патронажа власти столичный занял особое место. Это проявлялось в прямом финансировании нужд университета, включая строительные, учреждении стипендий из средств Кабинета Его императорского величества, в личном приближении некоторых членов профессорской корпорации ко двору. С начала 1810-х годов традицией является приглашение профессоров Педагогического института и университета преподавать науки членам царской семьи. Так, В. Г. Кукольник с 1813 по 1817 г. преподавал римское и российское гражданское право великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. М. А. Балугьянский до 1819 г. читал им энциклопедию прав и законоведение. П. А. Плетнев более 10 лет преподавал словесность детям императора Николая I и великого князя Михаила Павловича. В 1839 г., уже будучи ректором, И. П. Шульгин был приглашен преподавать историю и статистику великому князю Константину Николаевичу.

При решении многих вопросов внутреннего управления ректор и деканы факультетов не были самостоятельны, а встраивались во властную иерархию: Совет университета во главе с ректором — попечитель С.-Петербургского учебного округа — министр народного просвещения — [Комитет министров] — император. Перераспределение финансовых средств университета или распоряжение остаточными суммами осуществлялись после представления попечителя округа на имя министра. Вопросы исключения студентов решались также на министерском уровне. В случае подозрений в неблагонадежности профессоров или студентов в разбор таких дел вмешивался сам император.

Отношения попечителя и профессорской корпорации не только в уваровское десятилетие (1810–1821), но и позже точнее всего охарактеризовать как сотрудничество, хотя и не лишенное трений. Это справедливо для попечительства Г. М. Бороздина (1826–1832), М. А. Дондукова-Корсакова (1832–1842), Г. П. Волконского (1842–1845), в меньшей степени для управления М. Н. Мусина-Пушкина (1845–1856), при котором конфликт «академического» и «военного» стиля управления нарастал.

Исключительным периодом в истории Петербургского университета было управление Д. П. Рунича (1821–1826), который не только инициировал «дело профессоров», но и постарался ослабить те формальные признаки автономии, которые обеспечивал университетам устав 1804 г. Это выразилось в девальвации реальных полномочий ректора. После окончания ректорства М. А. Балугьянского в 1821 г. новый ректор не избирался под предлогом того, что университет продолжает реформироваться. Это позволяло Руничу беззастенчиво навязывать свои кадровые решения и держать «карманный университет» в страхе перед новыми разоблачениями. Преемник Балугьянского Е. Ф. Зябловский был лишь исполняющим должность ректора, в то же время Рунич усилил роль инспектора, обратив эту должность в полицейскую.

Устав 1835 г. более четко определял компетенцию и полномочия ректора. Срок ректорства устанавливался в 4 года с возможностью переизбрания. Помимо задачи наблюдения за «благоустройством университета» устав возложил на ректора прямую ответственность за научно-учебную часть, т. е. содержание преподавания, чтобы оно шло «с успехом и в надлежащей постепенности». Если уставы начала XIX в. декларировали свободу преподавания, и каждый профессор сам отвечал за преподаваемый предмет, то распространение идеологического контроля в николаевское царствование закономерно превратило ректора в лицо, ответственное за дух благонадежности в преподавании. От ректора в большей степени, чем от Совета, стало зависеть назначение и увольнение профессоров, которым он мог «делать выговоры и замечания» [Сборник постановлений, 1864b, стб. 752]. По-прежнему ректор являлся хранителем университетской печати, вскрывал присланные в адрес университета бумаги, подписывал выдаваемые университетом дипломы, вел переписку с высшим начальством от имени Совета [Сборник постановлений, 1864b, стб. 753]. Любое представление о нуждах университета должно было проходить через попечителя учебного округа.

По уставу 1835 г. должность ректора продолжала оставаться выборной, но принцип выборности, безусловно, ограничивался, как и прежде, отношением власти к избранному кандидату. Как и до 1835 г., кандидата, выдвинутого корпорацией, т. е. набравшего наибольшее количество «избирательных» голосов, в должности ректора утверждал министр народного просвещения, и это решение согласовывалось с императором.

Отказ от принципа выборности произошел в «мрачное семилетие», после цикла европейских революций 1848–1849 гг. По положению 11 октября 1849 г. должность ректора должна была замещаться по назначению, и притом не из состава профессоров. На этом основании ректор Плетнев, теперь уже назначенный, перестал быть действующим профессором. Деканы также могли быть увольняемы по усмотрению министерства и назначаемы без выборов. Инструкцией ректорам и деканам 1850 г. предписывалось строго надзирать за преподаванием. Деканы при личном посещении лекций следили за точным выполнением программы и доносили ректору о «малейшем отступлении, хотя бы то было и безвредное». Эта драконовская инструкция была отменена только в 1861 г.

«Встроенность» ректора в административную иерархию проявлялась, в частности, в том, что он, как и другие чиновники, не мог вступить в брак без разрешения начальства. Если разрешение на брак окончившим казенным студентам, распределенным к учительским местам, давало университетское Правление, то ректор спрашивал разрешение у попечителя. Так, в 1849 г. П. А. Плетнев, много лет живший вдовцом, получил через попечителя М. Н. Мусина-Пушкина свидетельство в том, что к заключению с его стороны второго законного брака с княжной Александрой Щетининой «препятствий не имеется». 59-летний Плетнев счастливо женился, успел произвести на свет и вырастить двух сыновей.

Для 1820-х — первой половины 1830-х годов характерны не только административная зависимость университетской корпорации, но и ее достаточно маргинальное положение внутри петербургского общества. Положение ректора малочисленного тогда университета не могло сравниться с независимым положением президента Академии наук или директора Кадетского корпуса, имевшего генераль-

ский чин. Должность ректора университета в 1820–1840-е годы соответствовала чину всего лишь статского советника (VI класс по Табели о рангах). Только с 1860-х годов при соответствующем сроке выслуги ректор после своего избрания получал чин IV класса (тайного советника). Исключением был П. А. Плетнев, который избирался ректором четыре срока подряд, с 1849 г. управлял уже бессрочно, а в 1860 г. был пожалован чином тайного советника.

Процедура избрания ректора наглядно демонстрирует меру самостоятельности ученого сословия в тот или иной исторический момент, а также его представления о перспективах развития университета. Здесь применительно к Петербургскому университету оказывается несостоятельным тезис об отсутствии реальной выборности кандидатов в дореформенном университете. Принцип свободы замещения должностей, в том числе ректорской, и соответствующая процедура голосования, предусмотренная уставами начала XIX в., были не только сохранены в уставе 1835 г., но и развиты, что отражалось в организации выборов. Судя по сохранившимся избирательным листам, при выборах ректора, проректора, деканов баллотировались последовательно все профессора университета (факультета), а ректором (деканом) избирался тот, кто получал наибольшее число избирательных и наименьшее — неизбирательных голосов. Другое дело, что практика и до, и после 1835 г. демонстрирует множество возможностей вмешательства сверху в форме внедрения в состав корпорации угодных власти кандидатур, манипулирования настроениями голосующих, корректировки результатов голосования.

В этом смысле уже процедура выборов первого после преобразования университета в 1819 г. ректора оказалась непростой, поскольку еще не вступил в силу устав, проектируемый для Петербургского университета попечителем С. С. Уваровым. Для проведения выборов Уваровым была дана инструкция, предписывавшая, в частности, в случае равенства голосов при баллотировке определять кандидатуру жребием. Так и произошло в реальности: при баллотировке голоса членов Совета разделились поровну между М. А. Балугьянским и профессором всеобщей истории Эрнстом Раупахом. Выбор по жребию пал на Раупаха, видимо, достаточно популярного в среде профессоров-иностранцев (хотя он к тому времени прослужил в университете менее двух лет), но совершенно не известного и не угодного правительству. Представление министра А. Н. Голицына о «несообразности» такого выбора было поддержано императором — в пользу назначения Балугьянского. Несомненно, личная известность царю М. А. Балугьянского, помимо университета служившего в Комиссии составления законов, преподававшего великим князьям Николаю и Михаилу, сыграла в данном случае определяющую роль.

Показательно, что в 1820–1830-е годы среди профессоров были выдающиеся ученые: математик Д. С. Чижов, физик М. Ф. Соловьев, знаток древностей Ф. Б. Грефе, но они не набирали при баллотировке нужного числа голосов или же отводили свою кандидатуру, и ректором оказывался либо не самый авторитетный для корпорации человек (А. А. Дегуров), либо человек со стороны, за спиной которого открывался некий «административный ресурс». Таким для университета в 1835 г. оказался И. П. Шульгин.

В уставе 1835 г., дабы исключить спорные случаи, было записано, что дела в Совете решаются по большинству голосов; при равенстве их перевес имеет голос ректора (§ 26). При избрании ректора, деканов, профессоров применялась процедура

баллотирования (§ 27). Это означало, что заседающие в Совете ординарные профессора подают свой голос последовательно *за каждого*. Кто из них наберет наибольшее количество голосов «избирательных» и наименьшее «неизбирательных», тот и избирается на должность. Данная процедура, описанная в § 61 устава, выглядела весьма демократичной. Кандидатура, избранная в Совете профессоров, утверждалась министром, а затем императором. До 1849 г. не было примеров прямого давления на Совет ни при выборах ректора, ни при выборах проректоров и деканов. Другое дело, что для профессоров было очевидно, кто из баллотируемых имеет «административный ресурс», а кто нет. Однако это не мешало многим голосовать за «своего» человека, а не за креатуру министра. Лучше всего это иллюстрирует голосование в декабре 1835 г., проведенное по новому уставу.

История 1819 г. с «перевыборами» здесь фактически повторилась, только в другой редакции. В чрезвычайном заседании Совета 28 декабря 1835 г., в котором присутствовало 14 ординарных профессоров, большинство (10 избирательных и всего 3 неизбирательных голоса) было отдано профессору математики Д. С. Чижову [Об избрании ректора в СПб. университете на 4 года... и об определении деканов по всем отделениям, л. 5–6]. Равное количество баллов (по 6 избирательных и 7 неизбирательных) набрали профессор истории, декан философского факультета И. П. Шульгин и профессор ботаники Г. П. Бонгард. Однако этот выбор не совпадал с видами правительства и, в частности, министра С. С. Уварова. Правительству нужен был «надежный» человек во главе университета, которого одновременно принимала бы корпорация. Он не должен был компрометировать ученое сословие как прежний ректор А. А. Дегуров, но и не должен был быть «профессором до мозга костей», известным лишь в пределах университетской аудитории и своей науки, как Чижов. Поэтому была произведена рокировка (конечно, не без нажима сверху, которого официальные документы, к сожалению, не отражают). Д. С. Чижов уже в день избрания обратился с ходатайством в Совет профессоров о том, что не может исполнять должность ректора из-за слабости здоровья и загруженности преподаванием, прося оставить его в должности профессора [Об избрании ректора в СПб. университете на 4 года..., л. 7–8]. Жалобы на слабость здоровья — аргумент неотразимый для начальства, но сомнительный для историка, если знать, что Чижов благополучно преподавал в университете еще 11 лет. При повторном голосовании, 3 января 1836 г., видимо, все голосовавшие прежде за Чижова отдали голоса Шульгину (8 избирательных голосов из 10). 7 февраля выбор университета был утвержден императором, ректором стал Шульгин, а Д. С. Чижов был избран и утвержден проректором.

Выбор ректором И. П. Шульгина, прослужившего в университете на момент избрания всего 2,5 года, только на первый взгляд кажется странным. Он вполне отражает отношение Николая I к университету. И. П. Шульгин был хорошо известен двору и лично императору. Его послужной список включал преподавание в течение 20 лет в Царскосельском лицее, Смольном институте, Пажеском корпусе, Военной академии (все это одновременно!), а до этого в Артиллерийском и Инженерном училищах, а также Морском корпусе. В 1836 г. Шульгин был введен в особый Комитет для составления проекта положения о Военно-учительском институте и назначен главным наблюдателем преподавания истории, географии и статистики по военно-учебным заведениям. Впоследствии Шульгин поступает на службу в Учи-

лице правоведения, с 1838 г. преподает географию, историю и статистику великому князю Константину Николаевичу [Дело о зачете ректору университета И. П. Шульгину при назначении ему пенсии службы при Царскосельском лицее].

Преподавая в привилегированных военно-учебных заведениях, ежегодно получая то бриллиантовый перстень, то солидное вознаграждение, Шульгин завоевал особенное доверие императора. В то же время Шульгин сам окончил в 1816 г. Педагогический институт, т. е. был укоренен в сообществе универсантов, с тех пор он стал достаточно известным историком и, без сомнения, прекрасным педагогом. Император, «командируя» Шульгина в университет, желал противопоставить крепнущей корпорации «своего» человека, который в отличие от престарелого А. А. Дегурова, «секретаря Робеспьера», был бы не только управляем, но и профессионально и идеологически безупречен. Можно было надеяться, что выборы Шульгина ректором по новому уставу пройдут легко. Однако вышеизложенный казус при выборах весьма многозначителен как проявление претензий университетской корпорации на самостоятельность. Альтернативой Шульгину вполне мог стать независимый кандидат от корпорации Д. С. Чижов, один из лучших профессоров, подготовленный в Европе в 1808–1811 гг. Если бы он согласился на ректорство, вряд ли с ним поступили бы так же, как в 1819 г. с иностранцем Раупахом.

В 1840 г. Шульгин отказался баллотироваться на второй срок на том основании, что вскоре истекал 25-летний срок его службы, хотя, вероятно, он просто опасался новых затруднений на выборах. Он так и не набрал популярности в университетской среде, о чем свидетельствуют мемуаристы, и по окончании срока ректорства уволился из университета, вернувшись в Царскосельский лицей с сохранением других мест службы. Больше конфликтов, подобных историям 1819 и 1836 г., при выборах не повторялось: в 1840, 1844 и 1848 гг. ректором трижды избирался П. А. Плетнев. В заседании Совета 9 января 1840 г. он получил 16 избирательных голосов из 23 [Об утверждении профессора Плетнева ректором университета и в звании деканов профессоров Устрялова и др. ..., л. 3].

Ограничения академической свободы в дореформенном университете проявлялись не в «принудительном голосовании», а в затрудненности инициатив от имени университета. Предложенный И. П. Шульгиным проект, предполагающий реформирование учебного процесса (1834 г.), не был одобрен министром С. С. Уваровым. Формально — потому, что повторял положения проектируемого общеуниверситетского устава.

При Шульгине и Плетневе столичный университет расширяет сферу публичности благодаря университетским актам, открытым диспутам, публичным лекциям. Центральным аккордом ежегодного отчета обществу о жизни университета становится актовая речь, произносимая ректором. С этого времени ректор фактически становится и университетским историографом, поскольку актовая речь представляла собой связный очерк жизни университета [Шульгин, 1838; Плетнев, 1844].

Серьезные отступления от устава 1835 г. были сделаны в 1849 г. под влиянием европейских революций и угрозы распространения «заразы» либерализма. С этого момента ректор не избирался, а назначался правительством уже без определения срока. Так, всего через год после своего третьего избрания П. А. Плетнев был назначен Высочайшим распоряжением. Он пробыл в должности ректора в общей

сложности 21 год и покинул ее накануне закрытия университета в декабре 1861 г. из-за студенческих «беспорядков», хотя формально увольнялся с должности «по болезни».

В систему университетского администрирования первой половины XIX в. помимо ректора были встроены и другие фигуры: *проректор, декан, инспектор студентов*.

Проректорство в современном его значении как процедура замещения ректора другими членами корпорации утвердилось только с 1835 г. Должность *проректора*, избираемого также на 4 года из ординарных профессоров, впервые предусматривалась § 67 устава 1835 г. Проректор избирался Советом, утверждался министром и заступал место ректора в случае его отлучки или болезни. До 1835 г. постоянного проректора не было, в случае отсутствия ректора временно исполняющим его должность становился старший из профессоров по выслуге. После 1835 г. проректором становился, как правило, кандидат, занимавший вторую позицию в избирательном списке при баллотировке ректора. Однако подача голосов за проректора производилась отдельно. Много значили в этом выборе административный опыт (проректор до избрания часто занимал должность декана) и отношения с действующим ректором. Кандидатуру Д. С. Чижова в 1836 г. поддержал И. П. Шульгин, а затем она была утверждена министром [Об избрании ректора в Санкт-Петербургском университете на 4 года... 1837]. В ректорство Плетнева проректорами последовательно были профессора И. И. Ивановский, Н. Г. Устрялов, И. И. Срезневский и др.

Деканы в Петербургском университете с установлением 4-летнего срока их избрания обычно пребывали в должности два-три, а то и четыре срока подряд (что, впрочем, характерно и для пореформенного времени). Это говорит о том, что декан был реальным академическим лидером факультета, способным сплачивать корпорацию. Многие избирались деканом в третий-четвертый раз, уже перейдя в статус заслуженного профессора и уступив место на кафедре более молодым коллегам.

Инспекторами (смотрителями) студентов первоначально, в 1800–1810-х годах, назначались профессора по выбору Конференции на срок не более года, поскольку это было дополнительным обременением к профессорским обязанностям. В этом отношении Педагогический институт не отличался от университетов, его профессора по очереди выполняли функции надзора за казеннокоштными студентами, в помощь им назначались адъюнкты. Разумеется, инспекторство профессоров было мягким, они не наказывали и не преследовали студентов за провинности, а скорее воспитывали и отечески опекали.

По уставу 1835 г. инспекция студентов превращается в самостоятельную «ветвь» университетской администрации. Инспекторство отныне — должность нравственно-полицейская, соответствующая внутренней полиции университета. На эту должность попечитель назначал своего кандидата, не связанного с корпорацией. На деле часто происходило так, что этот «внутренний полицмейстер» прекрасно уживался не только со студентами, но и с профессурой, становясь неотъемлемым элементом «семейного стиля» дореформенного университета.

Добрую память оставило инспекторство Александра Ивановича Фицтума фон Экштедта, определенного в университет в 1839 г. Это был отставной полковник лейб-гвардии Павловского полка, ветеран турецкой (1828–1829) и польской (1830–1831) кампаний, пожалованный за взятие Варшавы знаком отличия польского воен-

ного ордена [Формулярный список А. И. Фицтума, л. 5–7]. Судя по воспоминаниям студентов 1840–1850-х годов, это был чиновник, уважавший в студентах человеческое достоинство, не навязывавший им казарменного порядка, снисходивший к их шалостям. На музыкальных вечерах в доме инспектора студенты были столь же частыми гостями, как и на литературных «средах» в доме ректора Плетнева. Фицтум фон Экштедт прослужил в должности инспектора более 20 лет и оставил ее в связи с «беспорядками» 1861 г., когда утратил влияние на политизированное студенчество.

В ректорство П. А. Плетнева (1840–1861) в университете утверждаются черты «семейного стиля», который отличал многие университеты Европы не только в Средние века, но и в Новое время. В отношении администрации к студентам (не говоря уже о профессорах) допускались неформальный тон, забота и помощь попавшим в трудное положение, заступничество за провинившихся. Мемуаристы вспоминают, что Плетнев содействовал студентам советом и своим ходатайством, помогал с трудоустройством [Фортунатов, 1963, с. 23–24].

Уникальны сохранившиеся письма студентов Плетневу с просьбами об освобождении от платы за обучение, о предоставлении стипендии, отпусках и т. п. Характерно письмо студента Ивана Кудринского (1860 г.) с просьбой о помощи в получении стипендии и поручительстве перед Правлением накануне предстоящего экзамена. В случае если его просьба невыполнима, студент просил Плетнева «как частного человека» ссудить ему (попросту дать в долг) сумму, равную стоимости обучения за два семестра (более 50 руб.), гарантируя ее возврат «своим честным словом» [Письмо к Плетневу П. А. Кудринского Ивана (студента). 1860 г., л. 1–2]. Сама возможность для студента просить в долг у ректора как у «частного человека» говорит о развитой корпоративности.

Отмена практики назначений ректора и восстановление традиции выборов по уставу 1835 г. были произведены высочайшим постановлением 17 июля 1861 г. Правда, Петербургский университет не успел воспользоваться им до своего закрытия в связи со студенческими волнениями осени 1861 г. Введение в действие нового университетского устава 1863 г., закрепившего и расширившего принцип выборности в управлении, совпало с полным открытием университета еще через два года.

Таким образом, изучение истории университета и университетского управления с точки зрения развития не только институций, но и социальных отношений оказывается чрезвычайно продуктивным. Практическое применение университетского законодательства и его корректировка в течение первой половины XIX в. происходят в живой, меняющейся среде «ученого сословия», которое в свою очередь приобретает черты особой социальной общности, взаимодействуя с властью, осознавая свои корпоративные интересы и находя форму их выражения.

Источники и литература

1. Дело о зачете ректору университета И. П. Шульгину при назначении ему пенсии службы при Царскосельском лицее // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 23. Ед. хр. 7. 51 л.
2. Жуковская Т. Н. Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // КЛИО. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 15–25.
3. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 22–32.

4. Об избрании ректора в СПб. университете на 4 года... и об определении деканов по всем отделениям // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 4443. 38 л.
5. Об утверждении профессора Плетнева ректором университета и в звании деканов профессоров Устрялова и др. ... // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 4627. 67 л.
6. Письмо к Плетневу П. А. Кудринского Ивана (студента). 1860 г. // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 353. 3 л.
7. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санктпетербургского университета. Историческая записка по определению университетского Совета читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб.: Типогр. Военно-учебных заведений, 1844. 227 с.
8. По Высочайшему повелению об избрании ректора университета через каждые три года // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Ед. хр. 184.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1864а. 1926 стб.
10. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1864б. 1847 стб.
11. Формулярный список А. И. Фицтума // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 5950. Л. 5–7.
12. Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 гг. // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 23–24.
13. Шульгин И. И. О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета. Читано в торжественном собрании университета в день открытия его в бывшем здании 12 коллегий 25 март 1838 года ректором университета И. Шульгиным. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1838. 330 с.

References

1. Delo o zachete rektoru universiteta I.P.Shul'ginu pri naznachenii emu pensii sluzhby pri Tsarskosel'skom litsee [File about fixing a pension to rector I. P. Shul'gin, taking into account his service in Tsarskosel'sky Lyceum]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 733. Op. 23. Ed. khr. 7. 51 l.* [Russian State Historical Archives. Fund 733. List 23. File 7. 51 sheets].
2. Zhukovskaia T.N. Pravitel'stvennye strategii v sfere prosveshcheniia i ideia universiteta v Peterburge (1803–1819) [Government strategies in educational policy and the idea of University in Saint-Petersburg (1803–1819)]. *KLIO. Zhurnal dlia uchenykh. № 10 (82)* [KLIO. Journal for Scientists. N 10 (82)]. 2013. P. 15–25.
3. Zhukovskaia T.N., Kalinina E.A. «Ot azbuki do universiteta»: administrativnaia deiatel'nost' Sankt-Peterburgskogo universiteta v uchebnom okruge v pervoi polovine XIX v. ["From the ABC-book to University": Administrative activities of St.-Petersburg university in the first half of the XIXth century]. *Vestn. St. Peterb. un-ta. Series 2. History. 2014. Issue 2. S. 22–32.*
4. Ob izbranii rektora v SPb. universitete na 4 goda... i ob opredelenii dekanov po vsem otdeleniiam [About election of University rector for 4 year and appointment of Deans in all faculties]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb.). F. 139. Op. 1. Ed. khr. 4443. 38 l.* [Central State Historical Archives of St.-Petersburg. Fund 139. List 1. File 4443. 38 sheets].
5. Ob utverzhenii professora Pletneva rektorom universiteta i v zvanii dekanov professorov Ustryalova i dr. ... [About affirmation of professor Pletnev as rector of University and affirmation of professor Ustryalov and others as Deans of faculties]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb.). F. 139. Op. 1. Ed. khr. 4627. 67 l.* [Central State Historical Archives of St.-Petersburg. Fund 139. List 1. File 4627. 67 sheets].
6. Pis'mo k Pletnevu P. A. Kudrinskogo Ivana (studenta). 1860 g. [Ivan Kudrinky (student). A letter to professor P.A. Pletnev]. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo doma) RAN (RO IRLI RAN). F. 234. Op. 3. Ed. khr. 353. 3 l.* [Institute of Russian Literature Russian Academy of Sciences. Department of manuscripts. Fund 234. List 3. File 353. 3 sheets].
7. Pletnev P. A. Pervoe dvadtsatipiatiletie Imperatorskogo Sanktpeterburgskogo universiteta. Istoricheskaia zapiska po opredeleniiu universitetskogo Soveta chitannaia rektorom universiteta Petrom Pletnevym na publichnom torzhestvennom akte 8 fevralia 1844 g. [The first twenty-fifth anniversary of emperor Saint-Petersburg University. Historical survey]. St. Petersburg, Tipogr. Voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1844. 227 p.

8. Po Vysochaishemu povelenniu ob izbranii rektora universiteta cherez kazhdye tri goda [About election of rector of University every 3 years, according to His Majesty order]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGLA). F. 732. Op. 1. Ed. khr. 184.* [Russian State Historical Archives. Fund 732. List 1. File 184].

9. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia. T. 1. 1802–1825* [Collection of resolutions by the Ministry of public education. Vol. 1. 1802–1825]. St. Petersburg, Tipogr. Imp. Akademii nauk Publ., 1864a. 1926 columns.

10. *Sbornik postanovlenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniia. T. 2. Otd. 1. 1825–1839* [Collection of resolutions by the Ministry of public education. Vol. 2. Part 1. 1825–1839]. St. Petersburg, Tipogr. Imp. Akademii nauk Publ., 1864b. 1847 columns.

11. Formulirnyi spisok A. I. Fitsuma [Record of service of A. I. Fitstum]. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb.). F. 14. Op. 3. Ed. khr. 5950. L. 5–7.* [Central State Historical Archives of St.-Petersburg. Fund 14. List 3. File 5950. 5–7 sheets].

12. Fortunatov F.N. Vospominaniia o S.-Peterburgskom universitete za 1830–1833 gg. [Memoires about Saint-Petersburg University in 1830–1833]. *Leningradskii universitet v vospominaniakh sovremennikov* [Leningrad university in memoirs of contemporaries]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1963. P. 23–24.

13. Shul'gin I. I. *O nachale i postepennom vozzrastanii imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Chitano v torzhestvennom sobranii universiteta v den' otkrytiia ego v byvshem zdanii 12 kollegii 25 mart 1838 goda rektorom universiteta I. Shul'ginym* [About beginning and progressive development of Emperor Saint-Petersburg University]. St. Petersburg, Tipogr. A. Pliushara Publ., 1838. 330 p.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2015 г.